

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.12

EDN: JELRYK

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО МЕЖДУ РАСТЕРЯННОСТЬЮ И РЕАКЦИОННОСТЬЮ

Шупер Вячеслав Александрович^{1,2}

---

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Университет Бернардо О'Хиггинса, Сантьяго, Чили

АННОТАЦИЯ

Попытки уйти от обсуждения катастрофического положения в науке и высшей школе могут иметь самые тяжёлые последствия для страны в военное время. Самая важная цель спецоперации на Украине – национализация элит. Национализировать научное сообщество с очевидностью не удалось. Зашкаливающий процент неодобрения СВО среди работников науки (85%) – вполне адекватная оценка политики в области науки и высшего образования. Наследие В. И. Вернадского приобретает сейчас особое значение. Будучи потомственным противником самодержавия, а в советские времена – отважным критиком власти и засилья официальной идеологии, великий учёный чётко разделял власть и страну, что позволяло ему всегда стоять на патриотических, государственных позициях, ставя во главу угла фундаментальные национальные интересы, неизменные при любой власти. Если плановое хозяйство в его советском изводе выросло на отечественной почве, то всё худшее, что губит науку, грубо деформируя ценностную ориентацию учёных и уничтожая институт репутаций, пришло с Запада. В области науки Запад в наибольшей степени ещё сохраняет доминирование, существенно утратив позиции в других областях – экономике, политике, идеологии, военной мощи. Прозападная ориентация большей части нашего научного сообщества обусловлена именно этим доминированием, а не преданностью великим идеалам науки, которые на Западе были преданы существенно раньше, чем у нас. Эти идеалы требуют в максимальной степени разводить науку и политику, на практике же наблюдается стремление к их смешению. Революционные преобразования в стране не только открывают перед наукой огромный фронт работ, но позволяют ей резко повысить свой социальный статус. Однако это требует от учёных решительного возвращения из внутренней эмиграции. Необходим переход не на сторону власти, а в конструктивную оппозицию. Последняя предполагает тесное сотрудничество с властью в одних вопросах при её резкой критике в других.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

В. И. Вернадский, научное сообщество, этический фундамент науки, национализация элит, конструктивная оппозиция

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено в рамках темы государственного задания Института географии РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шупер В. А. Научное сообщество между растерянностью и реакционностью // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 3. С. 171–188. DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.12. EDN: JELRYK

Интернет-газета «Взгляд» 13 мая 2022 года опубликовала статью Игоря Караулова «Интеллектуальный класс застигли врасплох». Вот её начало:

«По оценкам экспертов, специальная военная операция пользуется очень слабой поддержкой в научном сообществе России. По данным, которые приводит в своём Telegram-канале Эдуард Бояков, из числа кандидатов в академики и члены-корреспонденты РАН лишь единицы поддержали СВО, тогда как порядка 20% высказались против. Можно только догадываться, в чью пользу молчит молчаливое большинство, но особых поводов для оптимизма тут нет.

Ситуация тревожная, но объяснимая. И объяснять её приходится, увы, не кознями иностранных разведок, а политикой в сфере науки, которую в предыдущие годы проводили представители самого государства. Жизнь научных работников и преподавателей вузов регламентирует её величество наукометрия, суть которой проста: благополучие работника зависит от того, насколько хорошо у него или у его начальства налажены отношения с заграницей. Либо ты сидишь в нищете на “голой ставке”, либо ты публикуешься в журналах, индексируемых в зарубежных системах Scopus и Web of Science, участвуешь в международных конференциях, международных проектах и т. п. – и получаешь за это надбавки, позволяющие выйти на достойный уровень дохода.

Получается довольно парадоксально: государство ценит тебя в той мере, в какой твой труд нужен и интересен за рубежом, причём совершенно неважно, востребован ли он в твоей собственной стране. Фактически наука у нас была передана под внешнее управление, причём не только точная или естественная, но и гуманитарная – та самая, которая должна была рождать, так сказать, “национальные смыслы”. Много ли смыслов можно родить, если идти наперекор западной “повестке”? Согласитесь, что это был бы не лучший способ наращивать свой индекс Хирша.

Стоит ли после этого удивляться, что некоторые видные гуманитарии стали вместе с зарубежными коллегами подписывать коллективные письма против спецоперации? Человек же не автомат, у него своя инерция есть. И если ещё вчера родное государство отправляло его в погоню за Хиршем, а сегодня говорит “давай-ка разворачивайся и беги в другую сторону”, то есть от чего растеряться. К тому же и куда конкретно бежать, не говорится. Уже и Web of Science прекратила сотрудничество с Россией, и в зарубежные журналы русских не берут (“культура отмены” же!) – а никакой другой наукометрии у нас не выдумали. Да и зачем выдумывать, когда можно просто экономить за счёт надбавок, которые теперь никакими правдами и неправдами не заслужишь.

Это на самом деле частный случай, показывающий, в каком состоянии находилась наша идеология на момент начала спецоперации. Идеология не в смысле наглядной агитации и патриотических концертов, а в смысле того идейного направления, которое государство, равно как и граждан-

ское общество, должно аккуратно, но твёрдо придавать нашим делам в различных областях жизни».

Статья была удалена с сайта интернет-издания через несколько часов после публикации. Некоторое время её копия была доступна в кэш Google, но сейчас её нет и там. Впрочем, текст её есть в распоряжении Редакции. Через несколько дней вышла статья другого автора, подробно излагающая результаты соцопроса, проведённого 2–5 мая 2022 года: «Против военной операции большинство работников науки (85%), более половины сотрудников сферы рекламы и СМИ (54%), 40% работников культуры, примерно столько же студентов и безработных»¹. Её пока ещё не удалили.

Неуклюжие попытки уйти от обсуждения катастрофического положения в науке и высшей школе могут иметь самые тяжёлые последствия для страны в военное время. Проиллюстрирую сюрреалистичность происходящего на наиболее близком мне примере – личном. Ни в этом году, ни в прошлом не получил от своего института ни копейки на командировки. Все конференции, отечественные и зарубежные, – за свой счёт, да ещё надо оформить отпуск на соответствующие дни. Если раньше БЕН РАН получала средства для заказа через интернет необходимых учёным статей, то сейчас библиотекарям не дают даже бумажных кармашков для формуляров, т. е. вообще ничего. На свои деньги приходится приобретать необходимые статьи и книги, как-то изловчившись с оплатой, ведь Visa и Mastercard больше для этого не годятся. Договорился с зарубежными доброхотами об оплате нужной мне книги с их карты, а деньги отдал при встрече. Свежеизданный сборник нельзя отправить в библиотеки профильных институтов и факультетов в регионах (о заграницах и речи нет) – в канцелярии мало марок. Зато на надбавки за публикационную активность деньги есть и платятся они более или менее исправно.

Представляется, что самая важная цель спецоперации на Украине уже достигнута, хотя до победы ещё очень далеко и на пути к ней будет немало потерь и поражений. Эта цель – национализация элит. Сразу поясню, что элиты понимаются как сильные мира сего. Это власть имущие, включая и тех, кто обладает огромной собственностью либо распоряжается ею. Это те, кто до недавнего времени фактически жил на два дома, проводя лучшую часть жизни за границей, держал там деньги и другие активы, лечился, учил детей и, как следствие, пренебрежительно относился к своей стране. А главное – был мало заинтересован в её развитии. Учёные, конечно же, не относятся к элите в современной России, хотя в советские времена это было не так. Самый высокий оклад в СССР был у президента Академии наук. Понятно, что партийное и советское руководство тоже, мягко говоря, не бедствовало – все самые ценные блага тогда вообще распределялись в неденежной форме, но ударение ставилось правильно.

Как сказал легендарный Л. В. Шебаршин (1935–2012), подчёркивая крайнюю опасность внутреннего раскола, только одна держава в мире может разгромить Россию – это сама Россия. Провозглашённый десять лет назад

¹ Кузнецова Е. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации. Женщины выступают против неё чаще мужчин // РБК: [сайт]. 2022. 18 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/> (дата обращения: 18.06.2022).

«поворот на Восток» за первые два года просто не сдвинулся с мёртвой точки; после присоединения Крыма и постоянного ужесточения санкционного давления шестерёнки вроде бы завертелись, но импульс быстро угас. Упорная планомерная работа была в лучших отечественных традициях подменена показухой и чиновничьим бумаготворчеством. Предложения С. К. Шойгу относительно строительства новых крупных городов в Сибири в известном смысле можно считать жестом отчаяния – объективно совершенно необходимый манёвр не то, что пробуксовывал, а просто не выполнялся. Теперь он стал безальтернативным² [1].

В. В. Путин в очередной раз продемонстрировал мастерское умение играть на ошибках соперника/противника. Грубейшая ошибка Запада, ожидаемо запустившего маховик русофобии, «под каток» которой первыми попали те, кто относится к нему с наибольшей симпатией в силу духовных или материальных причин, вместо того чтобы пытаться расколоть российское общество (в советские времена «друзей нашей страны» всячески привечали), стала решающим фактором национализации элит. Можно не сомневаться, что конфискация «заводов, газет, пароходов», включая виллы и яхты за полмиллиарда долларов, обеспечивает ненависть на поколения – всех тех, кто будет считать себя законными наследниками конфискованной/национализированной собственности. Это почище фактически конфискованных золотовалютных резервов, которые А. Г. Силуанов оценивает в 300 млрд долл., а академик С. Ю. Глазьев – в 400 млрд долл., хотя трудно представить урегулирование отношений с коллективным Западом, кроме как на условиях капитуляции, без возврата активов Российской Федерации. Своя рубашка несравненно ближе к телу, а речь тут идёт о людях очень богатых и потому очень влиятельных. Характерна позиция О. В. Дерипаски, сначала призывавшего к незамедлительному сворачиванию СВО на Украине, поскольку перестал поступать глинозём с Николаевского завода UC Rusal, но резко изменившего отношение к СВО после национализации указанного завода.

Однако не столько даже пренебрежение к науке, хотя и его хватает с избытком, сколько ставшее привычкой крайне низкое качество управленческих решений позволяло до самого недавнего времени руководить этим сложнейшим организмом с помощью либеральных рецептов, простеньких, как мысли у Буратино. А ведь не надо было быть выдающимся мыслителем, чтобы увидеть, что выросло благодаря такому заботливому «садоводству» ещё задолго до СВО. У. Р. Эшби (1903–1972), которому мы обязаны представлениями о самоорганизации и законом Эшби (о необходимом разнообразии), использовал понятие «болтливый факт» – факт, который свидетельствует о наличии некой важной закономерности. Именно такой «болтливый факт» показала практика моего института. В июле 2021 года поступило предложение Института водных проблем РАН вступить в консорциум по изучению водных ресурсов Крыма, горячо поддержанное нашей лабораторией гидрологии. Для оформления участия в консорциуме необходимо решение учёного сове-

² Шупер В. Украинский кризис и внутренняя геополитика // Российский совет по международным делам: [сайт]. 2022. 8 апреля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics> (дата обращения: 20.06.2022).

та. Казалось бы, вопрос чисто технический. Однако в ходе дистанционного голосования развернулась нешуточная полемика. Выяснилось, что многие члены учёного совета, включая ряд руководителей подразделений и некоторых весьма авторитетных исследователей, либо категорически возражают против участия в этом консорциуме, либо как минимум его не поддерживают, поскольку любые ассоциации института с Крымом повредят их международным связям. Подчеркну, что речь шла об участии института, а не об их личном участии – тут каждый волен выбирать сам. Только пространное и прочувствованное письмо врио директора позволило набрать 2/3 голосов. Красноречивая характеристика настроений в научном сообществе...

Национализировать научное сообщество, т. е. сделать приоритетными для учёных интересы своей страны, с очевидностью не удалось; скорее всего, такая задача и не ставилась. Возможно, она будет поставлена сейчас, но тут остаётся только вспомнить старый советский анекдот про Штирлица: «Грянул выстрел. Спутница Штирлица упала замертво. Штирлиц насторожился». Зашкаливающий процент неодобрения СВО – вполне адекватная оценка мудрой и дальновидной политики в области науки и высшего образования. Трудно предположить, что страна сможет выиграть тяжелейшую войну с намного превосходящим противником без самой серьёзной поддержки научного сообщества.

Наши мёртвые нас не оставят в беде, по В. С. Высоцкому (1938–1980), если только мы сами не готовы их предать. Наследие В. И. Вернадского (1863–1945) приобретает особое значение в наше переломное время. Будучи потомственным противником самодержавия, а в советские времена – отважным критиком власти и засилья официальной идеологии, великий учёный чётко разделял власть и страну, что позволяло ему всегда стоять на патриотических, государственных позициях, ставя во главу угла фундаментальные национальные интересы, неизменные при любой власти.

«Для нас выяснилось многое во время [Первой мировой] войны, и прежде всего стало ясно всем то, что раньше было ясно немногим – наша экономическая зависимость от Германии, носящая совершенно недопустимый характер при правильном государственном управлении. То, что это сделалось ясным для русского общества, очевидно, является фактом величайшей важности, ибо последствием такого сознания неизбежно будет изменение положения дел» [1, с. 382–383]. Во изменение положения дел Вернадский вместе с другими выдающимися отечественными учёными в 1915 г. создал и возглавил знаменитую КЕПС – Комиссию по изучению естественных производительных сил, продолжавшую плодотворную работу и после революции, ставшую колыбелью для многих важнейших исследовательских институтов.

Сейчас наше общество тоже пришло к осознанию необходимости радикального и при этом быстрого изменения положения дел. На заре индустриализации, в 1928 г. Вернадский писал: *«Чем тяжелее и хуже экономическое положение страны, чем оно экономически грознее, тем решительнее надо становиться на путь направления больших материальных средств на создание народного богатства, неизбежной предпосылкой которого является сейчас научное знание* [курсив источника. – В. Ш.]. Это как во время

войны – материальные средства должны найтись, если государство хочет войну выиграть. Так сейчас и в нашей стране – в эту критическую эпоху глубочайшего перелома в её жизни. Материальные средства должны найтись – и, ясно, могут найтись, ибо они не так уже велики, – раз только будет серьёзно поставлен вопрос о быстром подъёме народного богатства, то есть силы и мощи нашей страны» [2, с. 427–428].

Решение столь масштабных задач требует глубокой ревизии сложившихся крайне неблагоприятных отношений между властью и научным сообществом. 150-летний юбилей В. И. Вернадского (2013 г.), за многое резко осуждавшего советскую власть, но решительно поддерживавшего создание уникальной системы организации исследовательской работы в стране под началом АН СССР, был отмечен разгромом РАН, её лишением всех подведомственных научных организаций и фактическим превращением в клуб почтенных учёных, что академик В. М. Полтерович справедливо связал с либеральными идеями шокотерапии [3]. Либералам вообще свойственно крайне высокомерное отношение к отечественной науке, по их мнению, отсталой и провинциальной [4], сейчас, правда, неожиданно выяснилось, что никакой другой в стране нет. При этом научное сообщество, кажется, не только вполне согласно с такой уничижительной характеристикой, но изо всех сил старается ей соответствовать.

Красноречивый тому пример был совсем недавно явлен ИКИ РАН: «Данные немецкого телескопа eROSITA не помогут российским учёным при использовании без согласия Германии, поскольку их нельзя будет печатать в серьёзных научных журналах. Об этом «Газете.Ру» заявил научный руководитель Института космических исследований РАН академик Лев Зелёный. Телескоп eROSITA, созданный немецким Институтом внеземной физики Общества Макса Планка, расположен на орбитальной обсерватории «Спектр-РГ». Немцы выключили свой телескоп после обострения отношений с Россией в связи с проведением ею специальной военной операции на Украине. Недавно глава «Роскосмоса» Дмитрий Рогозин сообщил, что намеревается включить eROSITA без согласия немецкой стороны. “Наш институт – все учёные – категорически возражают против этого предложения. Возражение это и по политическим, и по техническим причинам”, – заявил Зелёный. В первую очередь, российским астрономам неясно, как можно будет управлять немецким телескопом, а главное – как это повлияет на отношение к российским учёным в мире. В том числе несанкционированно полученные данные нельзя будет публиковать в серьёзных журналах, что считается основной формой научной коммуникации. “Это не российский прибор, я не берусь судить, насколько реалистична вся эта эпопея (с включением), не знаю, есть ли у наших специалистов коды обработки... Но даже если они есть, то публиковать эти данные будет просто невозможно – их не примет ни один журнал и правильно сделает”, – считает академик»³.

³ Зайцев В. В ИКИ РАН выступили против несогласованного включения немецкого космического телескопа // ГАЗЕТА.RU: [сайт]. 2022. 7 июня. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2022/06/07/> (дата обращения: 18.06.2022).

Увы, этот факт ещё более болтлив. Очевидно отношение академика Л. М. Зелёного, до недавнего времени – вице-президента РАН, многие годы возглавлявшего один из важнейших в стране исследовательских институтов, к отечественным журналам. Однако главное – это отношение к науке Нового времени как к предприятию по поиску объективной истины. Тем более «не берусь судить, насколько реалистична вся эта эпопея (с включением)», но выключение телескопа в связи с проведением СВО заслуживает самой жёсткой моральной оценки. Причём тут фундаментальная наука?! Кто сейчас вспомнит, какие войны и с какой целью велись во времена Декарта, Ньютона, Лейбница? Вот к какому трагическому для науки результату привели все эти «тараканьи бега» ради показателей публикационной активности.

В советские времена прогрессивные социологи справедливо указывали, что неэффективность плановой экономики проистекает из ритуализации производственной деятельности, ориентированной на достижение не полезного в хозяйственном отношении результата, а более или менее нелепых плановых показателей. При этом ритуализация производственной деятельности в науке и высшем образовании при всех издержках была существенно меньшей, нежели в промышленности и сельском хозяйстве. Здесь существовал гамбургский счёт, соответственно и советская наука, и высшая школа пользовались немалым авторитетом в мире. В постсоветские времена ритуализация покинула сферу экономики, благодаря чему мы живём в существенно большем достатке, но прочно обосновалась в науке и высшей школе, причём возросшая эффективность экономики обеспечила необходимые ресурсы для замены административного принуждения экономическим, несравненно более эффективным.

Если плановое хозяйство в его советском изводе выросло на отечественной почве, то всё худшее, что губит науку, грубо деформируя ценностную ориентацию учёных и уничтожая институт репутаций (зачем он, если есть Хирш?), пришло с Запада, хотя и вклад отечественных чиновников от науки (с учёными степенями и без оных), с радостью подставивших паруса под свежий западный ветер, тоже недооценивать нельзя. Если бы 40–50 лет назад тогдашний замдиректора по науке моего института В. С. Преображенский (1918–1998), оставивший заметный след в науке, но запомнившийся как весьма мрачная фигура, вполне в духе того времени, заявил на учёном совете, что научная продукция – это статья, как это говорится сейчас, причём даже без тени иронии, то в зале гарантированно не было бы смеха – присутствующие просто решили бы, что человек не в себе. При тоталитарном режиме не то, что учёные, любые грамотные чиновники понимали, что статья – как бутылка: она может быть пустой, может быть наполнена всякой дрянью и проч. Сейчас уважаемые члены учёных советов и остальные уважаемые коллеги не смеются по совсем другой причине. Вот результат нашей интеграции в мировую науку.

При этом уже почти забыли ругать грантовую систему финансирования и в повседневной жизни воспринимают её так, будто она дана нам Богом. Увы, она сотворена людьми и при этом крайне несовершенна. Американские коллеги открыто говорят, что тратят половину времени на добывание грантов.

Какую часть от второй половины они тратят на писание всевозможных отчётов – представить нетрудно. Это явно не свидетельствует об эффективности подобной модели организации науки, но есть и более глубокие возражения: «грантовая система поддержки научных исследований... вытеснила... институт приват-доцентов, что, надо сказать, не добавило научной корпорации автономии»⁴, – говорит В. А. Куренной, директор Института исследований культуры НИУ ВШЭ. Последнее, мягко говоря, не способствует развитию науки. Если у учёных остались только два дела – добывание грантов (и писание отчётов по ним в случае успеха) и проталкивание статей в высокорейтинговые журналы, то они обречены на парадигмальное рабство – в обоих случаях для успеха требуется беззаветная верность мейнстриму. Какие уж тут научные революции! Впрочем, они и не нужны, ведь революция – это всегда неопределённость, её не могут желать те, кто заинтересован в сохранении *status quo*.

«Конечно, парадигмальная наука удобна: государству понятно, что мы развиваемся в правильном направлении, понятно, кому и на что давать ресурсы. Кстати, ориентация на наукометрические показатели публикационной активности работает ровно в этом же направлении парадигмального контроля. Высокорейтинговые журналы – это журналы почти исключительно парадигмальные, автор должен работать в понятной и принятой теоретической и методологической рамке»⁵. Соответственно, и ректор МГИМО – академик А. В. Торкунов предлагает сохранить требования к структуре статей, поскольку от них одна только польза⁶. Между тем любые стандарты всегда служат интересам тех, кто их устанавливает, – и отнюдь не только в науке. Примат формы над содержанием превращает любую статью в квалификационную работу – её всегда можно отклонить, например, за неудовлетворительный обзор литературы, даже если она излагает решение важных и интересных задач. А ведь речь не идёт и не может идти о том, чтобы запретить писать статьи по принятым в англо-саксонских странах канонам тем, кому они любезны. Речь о том, чтобы не превращать эти каноны в прокрустово ложе, в которое должны быть втиснуты абсолютно все статьи. В 1969 г. вышел быстро набравший популярность сборник «Физики продолжают шутить». Одна из опубликованных там шуток (переводная) – бланк статьи по физике, в котором надо просто заполнить все графы и отправить в журнал. Как говорили в советские времена, мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Теперь очевидно, что не только мы.

Не вызвало никакого ликования и предложение министра науки и высшего образования В. Н. Фалькова распрощаться с Болонской системой. Напротив, президент РУДН и председатель ВАК В. М. Филиппов дал решительную отповедь подобным предложениям: «вряд ли за шесть лет можно

⁴ Лейбин В. Кто делает науку в эпохи перемен // Эксперт. 2022. № 21 (1253). 23–29 мая. URL: <https://expert.ru/expert/2022/21/> (дата обращения: 18.06.2022).

⁵ См. ссылку 4.

⁶ Торкунов А. Общественные науки в России: журналы и индексы // Российский совет по международным делам: [сайт]. 2022. 15 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/> (дата обращения: 30.03.2022).

дать меньше знаний, чем за пять»⁷. Но если можно за пять, то зачем искусственно растягивать на шесть? В начале столетия в ходе переходного периода у нас стихийно сложилась удобная система, позволявшая студентам выбирать, учиться им 5 лет «по-советски» или 6 «по-болонски». По-видимому, это и есть наилучшее решение, с той только оговоркой, что испытывающая всё возрастающие трудности страна едва ли должна готовить за счёт бюджета кадры для геополитических соперников/противников. Запад очень любил свободу, пока выигрывал в эту игру. Сейчас там свобода совершенно не в чести, поскольку в эту игру он стал проигрывать. Отсюда и «культура запрета» [5]. Соответственно, он превратился в зеркальное отражение СССР, где глушились передачи западных радиоголосов на всей сколько-нибудь населённой территории страны. Свобода выбора предполагает состязание, но если мы можем это состязание проиграть, то оно нам не нужно.

Всячески насаждаемая узкая специализация потребна для контроля над наукой, которую стремятся максимально свести к технологиям (отсюда и «технонаука»), ведь в треугольнике «миф–технология–наука» с мифом несовместима только наука, технология с ним вполне совместима [6]. «Технонаука» полезна уже тем, что позволяет уйти от размышлений и рассуждений об объективной истине, очень трудных и болезненных для неклассической науки. Но если Бога нет, то всё можно. На каком основании могут тогда учёные отстаивать своё суверенное право на постижение объективной истины, точнее, на приближение к ней? Они, как и все представители сферы услуг, должны удовлетворять потребности заказчика, что и требуется последнему (ср. с образовательными услугами). Тут уже нет места претензиям на какую-то особую роль науки в обществе.

В области науки Запад в наибольшей степени ещё сохраняет доминирование, существенно утратив позиции в других областях – экономике, политике, идеологии, военной мощи. Соответственно, прозападная ориентация большей части нашего научного сообщества обусловлена именно этим доминированием, а вовсе не преданностью великим идеалам науки, которые на Западе были преданы существенно раньше, чем у нас. Эти идеалы требуют в максимально возможной степени разводить науку и политику, на практике же мы наблюдаем постыдное стремление к их смешению, чему действия немецких астрономов – один из весьма многочисленных примеров. Характерно, что подавляющее большинство научных сотрудников и университетских преподавателей в нашей стране совершенно не готово протестовать против извращения принципов и идеалов науки, против отсутствия самых элементарных условий для исследовательской работы, но готово решительно бросить вызов власти, когда крутые повороты во внешней политике могут поставить под удар их сотрудничество с западными институтами и коллегами. Читая петиции против СВО, содержание которых крайне уязвимо для критики с сугубо профессиональных позиций, я с грустью думал, что ни под какими протестами против библиометрии и других бюрократических извращений не

⁷ Мишина В. «У вузов огромная свобода, как и что преподавать» // Ведомости: [сайт]. 2022. 20 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/characters/2022/06/20/> (дата обращения: 26.07.2022).

удалось бы собрать не то, что такой звёздный состав подписантов, но даже его осьмушку.

Узкая специализация уже фактически лишила науку одной из её важнейших социальных функций – создания научной картины мира для своего времени. Эта картина по определению должна быть целостной и непротиворечивой, противоречия всегда становились важными точками роста. Именно крайним ослаблением этой функции объясняется широчайшее распространение самых нелепых предрассудков среди людей с формально высоким образовательным уровнем. Но немногим лучше обстоят дела и в самом научном сообществе. Можно считать сюрреализмом, если президент РАН, сам недюжинный учёный, придя к президенту России через месяц после начала СВО, предлагает употребить силы на выращивание моллюсков, дабы увеличить депонирование углерода: «И сейчас в некоторых странах мира начинается создание таких ферм, в которых выращиваются моллюски с большим объёмом, с большой массой створок! – Александр Сергеев был без преувеличения воодушевлён. – И это есть как раз одно из предложений, каким образом входить в климатические проекты через море. Он забыл сказать (а может, не знал), что больше нет никаких климатических проектов. Или по крайней мере мы в них не участвуем»⁸. Хочется надеяться, что покинувший нас А. Б. Чубайс прихватил с собой и устойчивое развитие, каковое успел объявить религией XXI в.⁹

Чтобы восстановить интеллектуальный суверенитет, нам надо перестать смотреть не только на мир, но и на самих себя глазами Запада. Пока мы ещё страшно от этого далеки, отсюда и заклинания типа «весь мир перешёл на стандартизованную структуру научных статей» или «в Китае и в других странах Азии тоже бакалавриат и магистратура». Китай смотрел на нас, причём внимательнейшим образом, когда мы шли своим путём. Очень многое было с успехом у нас заимствовано, в том числе и в области организации науки – китайцы не разгромили свою Академию наук. Когда же мы пристроились в хвост Западу, Китай естественным образом стал смотреть на Запад. Незападные страны опять начнут ориентироваться на нас, когда мы будем пролагать новые пути.

Чтобы воспользоваться удобствами парадигмальной науки, о которых говорит В. А. Куренной, государство применяет разные инструменты (о некоторых шла речь выше), но назначение их одно – изгнать из науки её критический дух. Разумеется, при этом отлетает и сам дух науки, что наиболее зримо проявляется в угасании семинарской жизни – если не ищут истину, то зачем споры? Однако парадигмальная наука, вполне удобная в «мирной», т. е. относительно спокойной жизни, перестаёт удовлетворять запросам общества во времена радикальных перемен. Революции социальные вполне могут требовать революций научных. Именно такая ситуация складывается

⁸ Колесников А. О, сколько нам открытий нудных!.. Владимир Путин увидел президента РАН с новой стороны // Коммерсантъ: [сайт]. 2022. 28 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/> (дата обращения: 29.03.2022).

⁹ Чубайс назвал новую религию XXI века // РИА Новости: [сайт]. 2021. 10 февраля. URL: <https://ria.ru/20210210/> (дата обращения: 07.03.2022).

сейчас в нашей стране, невольно ставшей главным мировым ревизионистом, но также и в некоторых других странах. При этом революции научные столь же нежелательны для истеблишмента, как и революции социальные, а потому, возможно, главная задача парадигмальной науки – их предотвращение.

В результате научное сообщество, исторически служившее рассадником вольнодумства и его прибежищем, трагическим образом обнаруживает свою реакционность – оно ничего не хочет менять, в том числе и то, что не выдерживает никакой критики. Это относится не только к нежеланию противостоять стремительному размыванию этического фундамента науки, без которого она просто рассыпается, – а ведь даже едва забрезживший отказ от библиометрии вызвал не радость, не взлёт надежд, а смятение и недовольство приспособившихся к жизни обывателей. Это проявляется и в нежелании занять принципиальную позицию по ряду важнейших проблем, включая климатические и энергетические. «Не факт, что рост [концентрации] CO_2 приводит к сколь-нибудь значимому потеплению. За него могут быть ответственны другие, не связанные с человеческой деятельностью, факторы. Например, с 1940 года по 1970 год глобальная температура не росла, несмотря на то что CO_2 и другие парниковые газы продолжали накапливаться в атмосфере»¹⁰. Заминка с ростом глобальной температуры была и в первом десятилетии XXI в. Патриарх отечественной гляциологии академик В. М. Котляков, директор Института географии АН СССР/РАН в 1986–2015 гг., говорил мне, что до сих пор остаётся непонятным, является ли глобальное потепление следствием повышения концентрации CO_2 , либо его причиной.

Явная дискуссионность многих утверждений о причинах изменений климата и тем более прогнозов на 2050 г. и даже на конец столетия в условиях торжества парадигмальной науки просто «заметается под ковёр». В результате изменения научных подходов в этой сугубо естественно-научной тематике становятся результатом радикальных политических сдвигов, как это было после избрания Д. Трампа, прекратившего участие США в Парижском соглашении по изменению климата, а затем после победы Дж. Байдена, это участие восстановившего. Разумеется, Д. Трамп опирался на результаты весьма серьёзных климатологов, а Дж. Байден – на консенсус, пусть и неполный, в научном сообществе, но трагично то, что учёные стали «подносить снаряды» политикам вместо того, чтобы спорить друг с другом. Устойчивое развитие как неистощительное природопользование невозможно даже теоретически в силу весьма очевидных причин, но это тоже не тема для дискуссий на семинарах, пока не поступил социальный заказ. Думаю, скоро он поступит...

Ещё более сюрреалистическая ситуация складывается в области энергетики. «Важно также понять, что доминирующие сейчас технологии ВИЭ (ветряная и солнечная генерации, электромобили) в поставленной идеологами “зелёного” перехода задаче сокращения выбросов CO_2 являются в целом неэффективными. По словам известного историка энергетики Вацлава Смилы, впервые в истории человечества мы наблюдаем переход от более концентри-

¹⁰ Зотин А. Климатическая повестка: как отделить науку от идеологии? // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: [сайт]. 2022. 1 марта. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/> (дата обращения: 09.07.2022).

рованных источников энергии к менее концентрированным и, следовательно, менее эффективным. Де-факто это регресс, а не продвижение вперёд. Опять-таки, ВИЭ куда более металло- и материалоинтенсивны и занимают гораздо больше земной поверхности, чем традиционные источники энергии»¹¹. Разумеется, есть и климатические, и энергетические диссиденты. Последним даже больше везёт с вниманием широкой общественности^{12,13}, но это лишь отчасти компенсирует им горечь отчуждения в научном сообществе. Рыбе нужна вода, её не заменят ни сок, ни морс.

Наше научное сообщество, в отличие от общества в целом, ещё до сих пор не излечилось от травмы, нанесённой историческим поражением СССР. Соответственно, западное скудоумие не то, что имеет приоритет перед анализом советского опыта, но полностью вытеснило его. Между тем в советские времена были несопоставимо выше не только социальный статус науки, но и уровень дискуссий о путях её развития, что гораздо важнее. Выдающиеся учёные могли позволить себе высказывать весьма радикальные суждения в публичном пространстве. Впрочем, констатация того, что в научной политике наша единственная опора – просто интуиция и здравый смысл – радикальной вовсе не была. Она стала ей десятилетия спустя, когда не осталось ни того, ни другого. Очевидно, что никакой оценки научной ценности получаемых в ходе исследовательской работы результатов, кроме экспертной, в принципе быть не может. Вопрос только в том, проводить ли эту экспертизу самим, либо отдавать на аутсорсинг. Разве кто-то будет утверждать, что рецензирование статей и их прохождение через редколлегии – процедура более объективная, нежели защита диссертаций? Кстати, академик Б. М. Кедров (1903–1985) в бытность главным редактором «Вопросов философии» практиковал защиты дискуссионных, но интересных статей на заседаниях редколлегии.

Любому здравомыслящему учёному очевидно, что публиковать надо поменьше, но писать возможно лучше. Чем больше публикуется статей, тем меньше их читают. Эта вполне очевидная истина получила недавно интересное подтверждение методами наукометрического анализа [7]. «Революционные результаты не рождаются в попытках поднять наукометрические показатели. Для этого нужны сверхусилия и творческие прорывы» [8]. Столь же очевидно, что средства на фундаментальные исследования нелепо распределять теми же методами, что и подряды на строительство. Это приводит к засилью конъюнктурщины, угасанию семинарской жизни, деградации института научной критики, ухудшению воспроизводства кадров и другим тяжёлым последствиям. Но это – зона вне критики, поскольку так на Западе, т. е. во всём мире.

Интервью с В. А. Куренным озаглавлено «Кто делает науку в эпохи перемен». В нём ярко показано, что трудные послереволюционные годы озна-

¹¹ См. ссылку 10.

¹² Гурова Т. Запад «съел» ресурсы восточного блока, но энергетический кризис не разрешил / Т. Гурова, З. Мамедьяров, Е. Гашо // Эксперт. 2022. 14–20 марта. № 11 (1244). URL: <https://expert.ru/expert/2022/11/> (дата обращения: 09.07.2022).

¹³ Конопляник А. Энергетическое самоубийство Европы // Эксперт. 2022. 14–20 марта. № 11 (1244). URL: <https://expert.ru/expert/2022/11/> (дата обращения: 09.07.2022).

меновались мощным всплеском научного творчества, выдающимися достижениями в развитии высшей школы. Революции – время ревизионизма и социальных лифтов. Эти лифты поднимают талантливых и смелых. Нашему научному сообществу необходимо как следует встряхнуться, подняться над узкой специализацией и хорошо уяснить принципиально важные вещи.

1. Отношения с Западом испорчены минимум на десятилетие. Рассчитывать на восстановление научных связей не приходится, поскольку наука утратила там всякую автономию – достаточно указать на «культуру отмены», которая распространилась даже на естественные науки [5]. Соответственно, утрачены высокие принципы, которыми в идеале должны руководствоваться учёные. Необходимо развивать связи с Китаем, Индией, другими незападными странами – это лучше, чем ничего. Во время войны (а происходящее – именно война, теперь долгие годы будут чередоваться активные фазы и периоды относительного затишья, но мира в привычном понимании не будет, пока не установится новый баланс сил) неприлично жаловаться на всевозможные трудности и неудобства. Надо с полным напряжением сил искать неординарные решения и добиваться результатов.

2. Страна в любом случае (и при любом руководстве) не свернёт с избранного пути ввиду его безальтернативности. Споры могут быть (и обязательно будут) о тактике, но не о стратегии. Россия не нашла достойного места в западоцентричном мировом порядке и вынужденно встала на путь ревизионизма. Научному сообществу необходимо твёрдо встать на позиции патриотизма и предложить политическому руководству помощь в решении грандиозных по сложности и глубине задач, ведь менять придётся практически всё. М. В. Келдыш (1911–1978) говорил своим сотрудникам: ищите важные прикладные задачи. Трудно заподозрить в недооценке фундаментальной науки и В. И. Вернадского. Выдающиеся учёные мыслили масштабно и понимали, что только мощный приток средств в науку в целом может обеспечить финансирование и фундаментальных исследований. Учёным и власти необходимо сделать шаги навстречу друг другу. Предложив помощь, учёные смогут рассчитывать на сочувственное внимание к их претензиям: «степень зарегулированности современной российской науки, пожалуй, больше, чем в шарашках при Берии. Даже он считал, что если учёные дают результат, то в их работу лезть не нужно»¹⁴.

3. За нынешней войной не последует революция – она уже разворачивается и будет протекать параллельно. Через немногие годы мы будем жить в другой стране с совершенно другой экономикой и другой социальной организацией. Ресурсная модель развития полностью себя исчерпала. Зачем экспортировать энергоресурсы, сырьё и продукцию первых переделов, если нам платят за них «фантиками», которые в любой момент могут быть аннулированы? Более того, за всё золото мира нам не продадут наиболее необходимого оборудования и технологий. Следовательно, упор будет сделан на развитие обрабатывающей промышленности, а это создаст простор для малого и среднего бизнеса. Резко усилившись, он потребует через несколько лет политического представительства, поскольку не имеет тех возможно-

¹⁴ См. ссылку 4.

стей решать с властью жизненно важные для него вопросы, какими обладает крупный бизнес. Будет меняться даже территориальная организация на уровне всей страны, несмотря на её крайнюю инерционность, поскольку на Западе «ловить» больше нечего. Уже обсуждается избыточность мощностей Большого порта Санкт-Петербург, до последнего времени интенсивно расширявшегося. Скоро на восток не надо будет никого гнать – это сделает экономическая необходимость. Революционные преобразования не только открывают перед наукой огромный фронт работ, но позволят ей резко повысить свой социальный статус. Однако это требует от учёных решительного возвращения из внутренней эмиграции. Следует поставить на первое место интересы своей страны, раз идеалы науки всё равно преданы забвению на Западе. Необходим переход не на сторону власти, а в конструктивную оппозицию. Последняя предполагает тесное сотрудничество с властью в одних вопросах при её резкой критике в других.

4. Отношение к отечественной науке (и к высшей школе) в мире будет во многом зависеть от успехов нашей страны в геополитическом и военном противостоянии Западу, как это было и в советские времена. Это не означает возобновление сотрудничества, но означает восстановление интереса. Во-первых, врага надо знать, во-вторых, сильного противника уважают. Нравится нам это или нет, но уважение к отечественной науке добывается не только трудом наших учёных, но и кровью наших военных, пролитой на полях сражений.

В значительно более тяжёлые для науки и высшего образования времена (1911 г.) Вернадский писал: «Темп нашей созидательной работы много слабее, чем темп развития англосаксонских государств или народов германской расы, – но всё же достаточен, чтобы не привести нас к реальной опасности государственного распада» [9]. Сейчас предотвращение геополитического поражения страны, с очевидностью чреватого её распадом, требует от учёных самого серьёзного усиления нашей созидательной работы. «Долгосрочный успех России напрямую связан с динамичным развитием её науки» [8]. Победа куётся в тылу. Чтобы, засучив рукава, участвовать в коренной реконструкции страны, совершенно не обязательно одобрять СВО и поддерживать власть. Вернадский, кстати говоря, никогда её не поддерживал, за исключением краткого периода между Февральской и Октябрьской революциями. В отличие от Запада, схватившегося от исторической безысходности за большевистский лозунг «Кто не с нами – тот против нас», нам надо вдохновляться принципом Яноша Кадара (1912–1989): «Кто не против нас – тот с нами». Сила – в единстве!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Вернадский В. И. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 373–384.
2. *Вернадский В. И.* О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР // Вернадский В. И. О науке. Т. II. Научная деятельность. Научное образование. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. С. 398–436.

3. Полтерович В. М. Реформа РАН: экспертный анализ. Статья 1. Реформа РАН: проект Минобрнауки // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 5–28. EDN: RZUCNH.

4. Шупер В. А. Севший голос науки. Взгляд из Отечества // *Управление наукой: теория и практика*. 2020. Т. 2. № 1. С. 40–53. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.1.2. EDN: GGYOVW.

5. Лукин А. В. Право на безумие // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 5 (111). С. 172–192. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192. EDN: POQUDH.

6. Левин А. Е. Миф. Технология. Наука // *Природа*. 1977. № 3. С. 88–101.

7. Chu J. S. G. Slowed canonical progress in large fields of science / J. S. G. Chu, J. A. Evans // *PNAS*. 2021. Vol. 118, № 41. DOI: 10.1073/pnas.2021636118.

8. Юнусов Р. Р. Большие цели, свобода научного творчества и университеты будущего / Р. Р. Юнусов, А. К. Федоров, Ф. А. Лукьянов // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 4 (116). С. 86–94. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-86-94. EDN: IDYUEN.

9. Вернадский В. И. 1911 год в истории русской умственной культуры // *Вернадский В. И. Избранные труды*. М. : РОССПЭН, 2010. С. 250–269.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022.

Одобрена после рецензирования 11.07.2022. Принята к публикации 09.08.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шупер Вячеслав Александрович vshuper@yandex.ru

Доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Россия; ассоциированный профессор, Университет Бернардо О’Хиггинса, Сантьяго, Чили

AuthorID RSCI: 59646

ORCID ID: 0000-0001-9096-3211

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.12

THE SCIENTIFIC COMMUNITY BETWEEN CONFUSION AND REACTIONARITY

Viacheslav A. Shuper^{1,2}

---

¹Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russia

²Bernardo O’Higgins University, Santiago, Chile

Abstract. Attempts to avoid discussing the catastrophic situation in science and higher education can have the most severe consequences for the country in wartime. The most important goal of the special operation in Ukraine is the nationalization of the elites. It was obviously not possible to nationalize the scientific community. The off-scale percentage of disapproval of this

operation among scientists (85%) is quite an adequate assessment of the policy in the field of science and higher education. The legacy of Vladimir Vernadsky is now of particular importance. Being a hereditary opponent of the tsarist autocracy, and in Soviet times – a brave critic of the government and the dominance of official ideology, the great scientist clearly divided the government and the country, which allowed him to always stand on patriotic positions, putting fundamental national interests, unchanged under any government at the forefront. If the planned economy in its Soviet outgrowth grew on domestic soil, then all the worst that destroys science, grossly deforming the value orientation of scientists and destroying the institution of reputations, came from the West. In the field of science, the West still retains its dominance to the greatest extent, having significantly lost its position in other areas – economy, politics, ideology, military power. The pro-Western orientation of most of our scientific community is due precisely to this dominance, and not to devotion to the great ideals of science, which were betrayed in the West much earlier than at us. These ideals require the maximum degree of separation between the science and the politics, but in practice there is a tendency to mix them. The revolutionary transformations in the country not only open up a huge front of work for science, but will allow it to dramatically increase its social status. However, this requires scientists to return resolutely from internal emigration. It is necessary to move not to the side of power, but to constructive opposition. The latter presupposes close cooperation with the authorities in some issues with its harsh criticism in others

Keywords: Vladimir Vernadsky, scientific community, ethical foundation of science, nationalization of elites, constructive opposition

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008)

For citation: Shuper, V. A. (2022). The Scientific Community between Confusion and Reactionarity. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 3. P. 171–188. DOI: 10.19181/sntp.2022.4.3.12

REFERENCES

1. Vernadskii, V. I. (2010). Voina i progress nauki [War and the progress of science]. In: Vernadskii V. I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN publ. P. 373–384. (In Russ.).
2. Vernadskii V.I. (2002). O zadachakh i organizatsii prikladnoi nauchnoi raboty Akademii nauk SSSR [On the tasks and organization of applied scientific work of the USSR Academy of Sciences]. In: Vernadskii V. I. *O nauke*. T. II. Nauchnaya deyatel'nost'. Nauchnoe obrazovanie [About science. Vol. II. Scientific activity. Scientific education]. St-Petersburg: RKHGI. P. 398–436. (In Russ.).
3. Polterovich, V. (2014). Reform of RAS: Expert Analysis. Article 1. Reform of RAS: Project of Ministry of Education and Science. *Social Science and Contemporary World*. No. 1. P. 5–28. (In Russ.).
4. Shuper, V. A. (2020). The shrunken voice of science. A View from the Fatherland. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2, no. 1. P. 40–53. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.1.2 (In Russ.).

5. Lukin, A. V. (2021). The Right to Madness. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19, no. 5 (111). P. 172–192. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-172-192 (In Russ.).
6. Levin, A. E. (1977). Mif. Tekhnologiya. Nauka [Myth. Technology. The science]. *Priroda*. No. 3. P. 88–101. (In Russ.).
7. Chu J. S. G. (2021). Slowed canonical progress in large fields of science / J. S. G. Chu, J. A. Evans // PNAS. Vol. 118, no. 41. DOI: 10.1073/pnas.2021636118.
8. Yunusov, R. R., Fyodorov, A. K. and Lukyanov, F. A. (2022). Big Aims, the Freedom of Scientific Creative Work, and Universities of the Future. *Russia in Global Affairs*. Vol. 20, no. 4 (116). P. 86–94. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-86-94. (In Russ.).
9. Vernadskii V. I. (2010). 1911 god v istorii russkoi umstvennoi kul'tury [1911 in the history of Russian intellectual culture]. In: Vernadskii V. I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: ROSSPEN publ. P. 250–269.

The article was submitted on 28.06.2022.

Approved after reviewing 11.07.2022. Accepted for publication 09.08.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shuper Viacheslav   *vshuper@yandex.ru*

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russia; Associate Professor, Bernardo O'Higgins University, Santiago, Chile

AuthorID RSCI: 59646

ORCID ID: 0000-0001-9096-3211